

Н. Ф. Мокшин

ВТОРЫЕ ИМЕНА У МОРДВЫ

Исследование так называемых вторых имен — одна из актуальных задач антропонимики, особенно важная при анализе этнокультурного процесса интеграции народов. По справедливому мнению Р. Ш. Джарылгасиновой, «второе имя, как правило, является результатом синкретизма культур, религий и возникает в условиях перехода от одной антропонимической системы к другой»¹.

В изучении вторых имен учеными сделаны пока еще первые шаги. Это относится и к общетеоретическим, и к конкретным проблемам, касающимся условий бытования второго имени в той или иной этнической среде.

Данная работа является первой попыткой изучения вторых имен у мордвы на основании письменных исторических источников, данных фольклора, а также полевых материалов, собранных автором.

Установлено, что еще до присоединения мордовского народа к России его именная составная не только из исконно мордовских личных имен², но и славянских, тюркских, арабских и др., заимствованных мордвой непосредственно или опосредованно от народов — создателей этих имен. Из наиболее популярных среди мордвы русских дохристианских имен можно назвать следующие: Беляй, Бурнай, Бурнаш, Буян, Гуляй, Девятка, Дурай, Дурнай, Жадей, Ждан, Желай, Живай, Зевай, Любим, Малка, Малой, Малыш, Меншой, Милуш, Надежка, Назван, Недосей, Неключ, Несмеян, Нехорош, Нечай, Первой, Первуш, Петай, Поздей, Радай, Чудай, Чужай, Ширяй и др.; из тюркских: Абыз, Акбулат, Алмакай, Бай, Байтемир, Бегиш, Бектяш, Бекшай, Бичура, Булай, Ишей, Ишмамет, Енбулат, Казанчей, Китай, Мемей, Мурзай, Ногай, Сабай, Сарай, Селеват, Сюдюк, Тансар, Тербердей, Тукай, Узветь, Уразай, Урас, Ушман, Чалмай, Чембулат, Чолпан, Ямаш и др. Все эти имена не были вторыми, а употреблялись наравне с собственно мордовскими антропонимами. Аналогичным образом употреблялись и некоторые христианские имена, воспринимавшиеся мордвой от русских еще до христианизации, которая завершилась в середине XVIII в. Об этом свидетельствуют, например, документальные материалы, относящиеся к началу XVI в. Так, в судебном списке от 4 апреля 1508 г. по тяжбе братии Печерского Вознесенского Полянского монастыря с мордвином Ивантой Рамстеевым о владении лесными угодьями за рекой Пьяной говорится: «И судьи спросили Ивантиных знахорей мордвы Учевата, да Ивана, да Узветя: скажите вы в божью правду, по своей вере по мордовской, чей то лес, где мы стоим...»³.

¹ Р. Ш. Джарылгасинова, «Вторые имена» как историко-этнографический источник, в сб.: «Ономастика Поволжья», Ульяновск, 1969, стр. 22.

² Картоотека указанных имен, составленная нами, хранится в Мордовском научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики.

³ «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. I, Саранск, 1940, стр. 141.

Христианские имена встречаются и в произведениях устного народного творчества, возникших задолго до принятия мордвой христианства. Например, в песне «Где Казань воздвигается» говорится о двух родных братьях-мордвинах, строителях Казани, один из которых носит имя Ивака (т. е. Ивана.— *Н. М.*), а другой— Вельмака (исконно мордовское имя.— *Н. М.*). В этой же песне упоминается старик-мордвин Василий и его дочь Марюша⁴.

На бытование у мордвы и других народов Поволжья русских (христианских) имен до их крещения исследователи обратили внимание довольно давно. Еще В. О. Ключевский указывал, что «приволжский иноходец, мордвин или черемисин XVI—XVII вв., нося христианское имя, пишет вкладную грамоту ближнему монастырю с условием, буде он крестится и захочет постричься в том монастыре, то его принять и постричь за тот его вклад»⁵.

Вторые имена начинают распространяться у мордвы в связи с принятием ею крещения, во время которого мордвин или мордовка получали русское (христианское) имя, а также и фамилию, часто производившуюся от личного имени крестного отца по образцу русских фамилий на -ов, -ев, -ин, -(к)ин, реже на -онков, -енков, -ский. Иногда, хотя и редко, мордвы давались и дохристианские русские вторые имена, поскольку они были в ходу у русских. Сохранилась, например, жалованная грамота царя Ивана Васильевича мордвину Ивашке Кельдяеву от 8 марта 1564 г., в которой сказано: «Лета 7072 г. марта 8 дня, государь, царь и великий князь Иван Васильевич Арзамасского уезду села Кужендей служивого своего мордвина Ивашку Кельдяева, он же по его, цареву слову наречен Дружина, и его Ивашку, пожаловал вотчинами...»⁶. Таким образом, мордвину, имевшему уже христианское имя (Ивашка), было дано дохристианское русское имя (Дружина).

Первоначально в обиходе у новокрещеной мордвы русское (обычно христианское) имя употреблялось как второе, после собственного мордовского, потом оба имени функционировали одинаково, спустя какое-то время русское имя стало выступать на первое место, а мордовское отошло на второе и, наконец, русское имя полностью заменило мордовское.

Процесс перемены мордовского традиционного имени на русское был длительным, он растянулся на целые века (до второй половины XIX в.) и, естественно, нашел отражение в государственных и церковных документах. Так, в грамоте Казанского митрополита Андриана Спасо-Юнгинского монастыря архимандриту Мисаилу от 16 ноября 1687 г. о розыске беглых новокрещеных крестьян говорилось: «...А буде где в приходе были новокрещены татаровя, и мордва, и черемиса, и чуваша, и иных вер новокрещены, мужеск пол и женск, оставя христианскую веру, перешли жить от верных к прежним своим иноверным сродцам... и о тех новокрещеных имать у них, приходских попов, скаски..., описывая всему годы, и месяцы, и числа, кто в веру христианскую крестился... и имена их до крещения, и в крещенье как были...»⁷.

Христианские имена долгое время были формальными, казенными, их почти никто не знал. Например, в челобитной «новокрещена» деревни Сураева починка Краснослободского присуду Я. Стефанова на другого «новокрещена» патриарху всея Руси Андриану от 14 июля 1696 г. сообщалось, что «...приходил мордовское имя Маска, а русское имя, коим его зовут, того я, сирота твой, не упомяну. И пришед он, Маска, ко

⁴ «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», т. I, Саранск, 1963, стр. 321—328.

⁵ В. О. Ключевский, Курс русской истории, Соч., т. I, М., 1956, стр. 306.

⁶ «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. I, стр. 153.

⁷ «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. II, Саранск, 1940, стр. 72.

мне, сироте твоему, в домишко и взял у меня, сироты твоего, женишку мою Марку...»⁸.

Непривычные церковные имена, «резавшие ухо», постепенно подверглись соответствующей адаптации в мордовских языках. Так, Федор по-эрзянски стал произноситься как Кведор, Филипп — Квилё, Фома — Кома, Федосья — Кведо, Фекла — Кекла, Марфа — Марква, Николай — Миколь, Харитон — Каритон, Захар — Закар, Гаврил — Гаорё, Дарья — Дарё, Марья — Марё, Пелагея — Полё, Акулина — Околь, Аксинья — Окся, Наталья — Наталь, Егор — Ёгорь, Агафья — Ога, Игнатий — Иго, Александр — Лесо, Александра — Лёса, Анисья — Ансё, Аграфена (Агриппина) — Окро, Артем — Артё и т. д.

Мордовские дохристианские имена могли даваться и после крещения. Их получение сопровождалось традиционным обрядом наречения имени *лемдима* (морд. *лем* — имя, *лемдямс* — дать имя, именовать). Один из зарубежных путешественников, побывавший в России в XVII в., писал о народах Поволжья, в том числе и о мордве, следующее: «Говорят, что некоторые из этих племен, когда у них родится дитя, зовут московитских священников, чтобы они помолились над ним, окадили его и назвали именем какого-либо святого, после же дают ему имя, какое им хочется, и некоторые, по рассказам, дают новорожденному имя животного, какое встретят, выйдя из дому...»⁹. По словам анонимного автора, жителя мордовского села Скафтым Кузнецкого уезда (сельского священника, по мнению Д. К. Зеленина) еще в середине XIX в. встречалось «назначение старухами-мордовками другого имени новорожденному младенцу, вследствие чего ныне не только старики, но и средних лет люди носят на себе два имени»¹⁰.

Однако русские (христианские) имена постепенно настолько вошли в быт мордвы, адаптировались в ее среде, что стали восприниматься как свои. Например, в мордовской народной песне «Васальге» («Василиса») говорится о том, как старик и старуха выбирали дочери имя:

Какое имя, старуха, выбрать нам?

Давай-ка выберем имя Васальге.

Васальге — имя, мой старик, хорошее¹¹.

Наиболее стойко вторые имена, мордовские по происхождению, сохранялись в названии членов семьи.

Представляет большой интерес старинный мордовский обычай называть в семье снох особыми семейными или «жизненными именами» (*эрямо лемть*, морд. *эрямо* — жизнь, *лем* — имя): Парава, Мазава, Вежава, Ашава и др. Этот обычай у мордвы был впервые зафиксирован участниками экспедиции Академии наук 1768—1774 гг. И. И. Лепехиным (у эрзи) и П. С. Палласом (у мокши).

Когда невесту привозят в дом жениха, его «... отец, — пишет И. И. Лепехин, — при собрании всех гостей и сродников берет поставленный на столе длинный пирог аршина в полтора за конец и подымает другим концом пирога наложенное на невесту покрывало, говоря сии слова: вот тебе свет, будь счастлива к хлебу, животу и к размножению семьи. Потом переменяет ей свекор прежнее имя и называет Мезява, большая, если женится старший сын; Сернява, середняя; Вежава, меньшая, по старшинству их мужей. Тогда жених и сродники увидят невесту, а невеста своего жениха или мужа...»¹².

⁸ Там же, стр. 118—119.

⁹ «Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским», М., 1898, стр. 8.

¹⁰ Д. К. Зеленин, Дореволюционный быт мордвы, в сб.: «Советская этнография», т. I, М.—Л., 1938, стр. 95.

¹¹ «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», т. I, стр. 74.

¹² «Дневные записки путешественника доктора и Академии наук адъюнкта И. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году», ч. I, СПб., 1771, стр. 172.

«Еще и ныне, — указывал П. С. Паллас, — держатся они того обыкновения, что на другой день после свадьбы старший из сродников, взяв хлеб с привешенною к нему небольшою шапкою и пряжкой, которую носят на груди, приносит в дар молодой, ставит трижды ей на голову и при том не всегда по порядку говорит сии три слова: *тятей, мезей, пивей*, только выговариваемое на последи слово должно быть обыкновенное имя молодой...»¹³.

Этот же обычай во второй половине XIX в. был описан анонимным автором из села Скафтым Кузнецкого уезда (50-е годы)¹⁴, Н. Барминским (60-е годы)¹⁵ и известным мордовским этнографом М. Е. Евсевьевым (80-е годы)¹⁶.

Когда молодые, сообщал анонимный автор из Скафтыма, возвращались после церковного венчания в дом жениха, дружка во всеуслышание давал молодой «...новое семейное название, одно из следующих: 1) *Парава*, по буквальному переводу: хорошая, от слова *пара* — хорошо; это всегдашнее название жены старшего сына или брата. 2) *Мазава* — красивая, от *мазы* — красиво, всегда принадлежит жене второго брата или сына. 3) *Вежава* составляет неотъемлемое название жены третьего брата или сына в семье, значит малая, от *вежа* — малый. 4) *Ашава* — белая, от *аша* — белый, наименование жены четвертого сына или брата... Невеста свое название носит до самой смерти. Так зовут ее всегда свекор и свекровь, муж и все малые дети семьи. От этого часто случается, что односемейные и даже муж не знают настоящего имени молодой жены»¹⁷.

М. Е. Евсевьев отмечал: «Имен, которые давались молодущкам, у эрзи было шесть: *Мазава* (красивая женщина), *Ашава* (белая женщина), *Парава* (хорошая женщина), *Вежава* (младшая женщина), *Сырьява* (золотая женщина) и *Тятява* (значение забыто). Самыми употребительными из них были первые четыре, причем первые три давались старшим снохам и в каком угодно порядке, а «*Вежава*» давалось всегда младшей снохе...»¹⁸.

По этой же причине в переписных книгах иногда домовладелицы-вдовы ошибочно именовались не их официальными девичьими именами, а семейными, «жизненными именами», данными им после выхода замуж. Например, в переписной книге Алатырского уезда, составленной в 1696 г. С. Г. Грибоедовым, сказано: «Деревня Селищи — вдова Ашафка Учеватова, жена Алемасова. Деревня Баевка — вдова Парафка Литюшева. Деревня Тургакова — вдова Вежафка Алушева, жена Вирясова... Деревня Лунга — вдова Мазафка Акоюева, жена Чемаева. Деревня Кобаево — вдова Сырьяфка Начарова, жена Терентьева. Деревня Ст. Ардатова — вдова Тетяфка Анзина, жена Истякова»¹⁹.

По мнению М. Е. Евсевьева, переименование снох связано с существовавшим у мордвы ранее обычаем похищения невест и вызвано оно было стремлением скрыть «тайну похищения»²⁰.

Однако это объяснение вряд ли можно считать правильным, ибо в таком случае незачем было бы соблюдать столь строгую регламентацию присвоения перечисленных имен, например, младшую сноху обязательно называть Вежава, о чем сообщает сам М. Е. Евсевьев, а еще раньше писал И. И. Лепехин. Анонимный автор из села Скафтым обращает особое внимание на то, что имена всем снохам давались в определенном порядке в соответствии с возрастом их мужей.

¹³ П. С. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. I, СПб., 1809, стр. 112.

¹⁴ Д. К. Зеленин, Указ. раб., стр. 89.

¹⁵ Н. Барминский, Некоторые обряды мордвы Саратовской губернии, «Саратовский справочный листок», 1869, № 53—54.

¹⁶ М. Е. Евсевьев, Мордовская свадьба, Саранск, 1959, стр. 254—256.

¹⁷ Д. К. Зеленин, Указ. раб., стр. 89.

¹⁸ М. Е. Евсевьев, Указ. раб., стр. 254.

¹⁹ Там же, стр. 255.

²⁰ Там же, стр. 256.

На наш взгляд, указанные термины вообще не являются личными именами, а представляют собой особые и, видимо, восходящие к глубокой древности общемордовские термины свойства; именно поэтому так строга их регламентация, так четко соблюдается порядок их присвоения по старшинству. От этих наименований, видимо, зависели права и обязанности той или иной снохи в большой семье.

Кроме того, «жизненные имена» по структуре своего образования четко отличаются от обычных мордовских женских имен, что также является весьма существенным аргументом против их признания женскими дохристианскими личными именами. Хотя до нас дошло сравнительно немного мордовских женских имен, так как царские власти предпочитали оформлять государственные документы на мужское население, но все-таки некоторые из них известны как из письменных, так и из фольклорных источников (Мака, Нака, Паштеня, Цебарка, Лапай, Ракса, Шинду, Лумзур, Саманька, Сыржа, Акамка, Мязярго, Паё, Снальтё, Атюта, Нуяль, Кастуша, Цеца, Сэняша, Сиямка, Люкшамка, Сюмерге, Утяша, Найко, Мамилька). Они не похожи на так называемые семейные «жизненные» имена, образованные, как правило, из двух слов, причем второй их составной частью было слово *ава* (женщина). Правда, у мокши аналогичные термины употреблялись в усеченной форме. Три таких слова для обозначения снох — *тятей, мезей и пивей*, как уже отмечалось ранее, были зарегистрированы П. С. Палласом 200 лет назад. Термины этого типа и сейчас бытуют у мокши: *маза* (звательная форма *мазай*) — жена старшего брата; *тязя* (*тязай*) — жена второго брата; *вяжа* (*вяжай*) — жена третьего брата; *пава* (*павай*) — четвертого; *тятя* (*тятяй*) — пятого²¹. Но это те же самые «жизненные имена», что и у эрзи, только в данном случае они выступают без прибавления слова *ава* (ср. мокш. *Мазай* — эрз. *Мазава*, мокш. *Вяжай* — эрз. *Вяжава*, мокш. *Тятяй* — эрз. *Тятява* и т. д.).

«Жизненных имен» для обозначения снох первоначально, вероятно, было больше, ибо некоторые из дошедших до нас мордовских женских имен когда-то в прошлом являлись, видимо, также семейными, «жизненными именами»: Равжава, Литова (Литава), Азравка (Азрава), Виртява, Кирдява, Покшава, Элюва, Стирява (Сырява), Кильдюва, Канюва.

Довольно значительный их набор не должен нас удивлять, так как речь идет об обозначении ими снох в больших неразделенных семьях. Позднее, с распадом больших семей на малые, стали использоваться лишь несколько терминов свойства, остальные же превратились в обычные женские имена.

В настоящее время дохристианские имена у мордвы не употребляются совсем. Мордва имеет общий с русскими именник и аналогичную антропонимическую систему в целом, что свидетельствует о завершении этнического процесса интеграции мордвы с русскими в сфере антропонимии.

Из фамилий, бытующих сейчас у мордвы, этническую функцию в той или иной степени несут лишь те, которые содержат в своей основе дохристианское мордовское личное имя или другое мордовское слово: Авакшин, Азоркин, Алявин, Вельматов, Вергезов, Кирдяпкин, Кшнякин, Нарваткин, Пазавин, Паксюткин, Пакштяев, Пивцайкин, Пизелкин, Пиксаков, Пиксин, Пингаев, Пиняев, Пинясов, Письмаркин, Пичайкин, Пичкаев, Позакшин, Покшкин, Пурцакин, Раужин, Сарасов, Серькин, Сеськин, Синдяев, Сурайкин, Суралеев, Сюваткин, Сяткин, Телин, Тетяйкин, Тикшайкин, Трямкин, Тумайкин, Тундавин, Тундин, Тургасов, Урявин, Чекайкин, Чиняев, Чичайкин, Чиряскин, Чувайкин, Шукшин, Яксаргин, Янгайкин, Якшамкин и т. п.

²¹ Р. В. Бабушкина, Термины родства как факты генетической связи мордовского народа с другими финно-угорскими народами, в сб.: «Этногенез мордовского народа», Саранск, 1965, стр. 353.